

Кажется, совсем недавно небо над стороной отчей рвало разноцветными праздничными сполохами ярких салютов. Пришёл не просто новый год, пришёл новый век. Что он принесёт, тогда не знал никто. Но все жили надеждой. Верили: новый век будет спокойнее и надёжнее, сытнее, человечнее и добрее. Слишком много полярного было в уходящем столетии: радость и горе, взлёты и падения на дно бездны, яркие прорывы и свершения, рутина и застой. Слезы славы и унижения...

Устали люди, особенно старшее поколение, от колючих ветров перемен, от страха и боязни за свою жизнь, а особенно за жизнь и будущее своих детей и внуков. И вот уже пролетело, мелькнуло, как звезда падающая, пятнадцать лет нового столетия. Пятнадцать непростых, а порой тоже драматических, бурных, каких-то не похожих на прошлое лет. И Кораблёв сейчас не на земле отчей, а далеко от края берёзово-раздольного, от сторонки милой, за сотни вёрст, в чужом пока для него городе, большом и шумном.

1.

Не в волнении, это, наверное, мягко будет сказано, а в большом душевном смятении находился сейчас Василий Петрович Кораблёв, торопливо прохаживаясь у здания, где располагается его компания, в которой он работает чуть больше года, как переехал в этот областной северный центр.

У него сегодня назначена встреча — встреча неожиданная и для него судьбоносная. Вчера под вечер в его кабинете раздался телефонный звонок. Приятный женский голос после приветствия спросил:

— Мне нужен Кораблёв Василий Петрович.

— Я вас слушаю, — как-то устало-отстранённо ответил он — непростая уходящая неделя сказывалась.

— Очень хорошо. Я к вам по делу, Василий Петрович, — правда, не совсем обычному. Но знаю, это вас интересует. Только прошу вас ничему не удивляться, и дайте мне сказать всё до конца. Для меня это непросто, и я сейчас сильно волнуюсь.

— Ну, положим, удивить меня трудно. Прошу вас, представьтесь. Мы знакомы? Учились, работали когда-то вместе?

— Нет, Василий Петрович, жизнь не сводила нас никогда. Вот разве только кровь.

— Не понял! Что за кровь? При чём тут кровь?

— Сейчас, сейчас, Василий Петрович. Меня зовут Татьяна Михайловна. Я ваша сродная сестра.

— Вот как! Вроде всех своих сестёр и братьев знаю до третьего колена.

— Да нет, получается, не всех. Я дочь Полины Григорьевны, родной сестры вашего отца Кораблёва Петра Григорьевича. И родова у нас очень большая, вы даже не представляете, как у вас много родни.

Сколько долгих горько-томительных лет в детскую пору и потом, войдя в годы зрелые, мечтал услышать Кораблёв эти слова. И вот сейчас, когда, казалось, всё переболело, стало уходить куда-то вдаль, закрылось завесой других житейско-довлеющих проблем, эти слова прозвучали как выстрел в утренней тишине, прозвучали громко и прицельно, в самое сердце. Кораблёв долго молчал. Молчала и трубка.

Наконец на том конце тихо, как-то виновато заговорила Татьяна:

— Василий Петрович! Я понимаю ваше состояние: через десятилетия — такая новость. Это как лавина. С этим непросто справиться.

— Да, действительно, лавина! Цунами! Как будто смыло — и нет меня. А я ведь крепко стоял на земле. Крепко!

Он немного помолчал.

— И что же нужно большой родне и папочке дражайшему, которого более тридцати лет совершенно не интересовало, как живётся-можется сыну его в мире этом, как по землице этой ходится?

— А нам, Василий Петрович, ничего от вас не нужно,— с явной обидой в голосе сказала Татьяна Михайловна и, помолчав, продолжила: — Просто, Василий, я выполняю наказ дяди — найти тебя обязательно. Чтобы ты знал, что по этой земле ходят родные тебе люди, в чьих венах тоже течёт кровь старинного казацкого рода. А главное, рассказать тебе правду о твоём отце.

Кораблёв понял, что погорячился и незаслуженно обидел человека. Он некоторое время не отвечал, давануло что-то в груди. И если честно, он не знал, как сейчас реагировать на всё это. Конечно, он знал о существовании родного отца. Знал, что он где-то есть, что живёт своей жизнью. Но у него никогда не было даже его фотографии. Был он для него чужим мужчиной, уехавшим куда-то на Север и бросившим их с мамой, предавшим своего собственного сына. Жили в памяти Кораблёва лишь рассказы бабушки да слёзы матери при упоминании о нём. Правда, когда мать узнала, что неизлечимо больна, она поведала сыну некоторые детали об отце.

Пётр Кораблёв был солдатом срочной службы и проходил учебку в тихом, уютном приволжском городке. В это время его мать там же была на практике, на станкостроительном заводе, после третьего курса механико-технологического техникума. Мать жила на квартире у подруги, что была из этого городка и училась вместе с мамой Василия. Она-то сосватала и организовала практику маме и ещё двум девочкам. Познакомились они с отцом, как это и бывает, на танцах в городском саду.

А потом... Закрутилось, завертелось: любовь, вздыхание, ожидание встреч. Дальше — мгновенные сборы, колонны машин, слёзы. Потом молчание. И два коротеньких письма, уже на домашний адрес. Горячие признания в любви и полунамёки на место, где он находится. Потом было ещё одно письмо, без обратного адреса, в котором он писал, что сожалеет, но быть с Екатериной он не может. Будучи в отпуске дома, он встретил настоящую любовь, и без этой девушки он жизнь свою не мыслит, да и родители одобряют его выбор. В порыве отчаяния Катя сожгла тогда письма.

Её состояние можно было понять. Она недавно похоронила отца-фронтовика и уже скоро должна была родить.

— Отец умер, Татьяна? — тихо спросил, словно выдавил из себя Кораблев.

Он не заметил, как тоже перешёл на «ты», и ему показалось, что не стало барьера, он пропал — как бывает между родными людьми.

— К большому сожалению, Василий, твоего отца нет уже три года. Он долго болел, сказались ранения.

— Ранения?

— Да, ранения и контузия, но об этом я тебе расскажу всё при встрече.

— Жаль. Очень жаль. Появилась надежда встретиться. И пусть он был бы самым распоследним человеком. Всё равно. Я ведь даже толком и не знаю: кто он, что он? Где жил, чем жил? К сожалению, я тоже поздно стал задумываться о его поиске. Когда остался без матери.

2.

Они встретились, как и условились, ближе к обеду. Видно было, что Татьяна Михайловна торопилась. Об этом говорили румянец на её лице и учащённое дыхание. По виду она была старше Василия лет на десяток.

— Извините, Василий Петрович, я совсем не знаю этот район, живу на окраине, здесь плохо ориентируюсь, а подвезти некому: муж в больнице с сердцем, сын в командировке на Севере, на машине уехал. Сколько здесь всего понастроили! Потерялся старый город, город нашей молодости.

— Что вы, какие извинения! Нужно было условиться о встрече где-то на вашем районе.

— Василий, давай на «ты». Мы уже так общались. Но у тебя здесь работа. Здесь всё удобно, рядом. И к тому же время к обеду. Может, твоего отсутствия и не заметят. Я постараюсь тебя долго не задерживать.

— Ну, времени у меня достаточно, так что не беспокойся. Если, Татьяна Михайловна, ты не против, давай пройдем в кафе напротив. Там уютно и тихо. Впрочем, и кухня неплохая, довелось несколько раз забежать.

В кафе Кораблёв заказал Татьяне кофе и мороженое, от остального она отказалась. Себе он заказал бутылку

минеральной. Что-то вкушать у него тоже не было желания. Некоторое время они сидели молча, каждый пригубил принесённые уже напитки. Татьяна Михайловна достала из сумочки почтовый конверт и извлекла из него две фотографии, положила их перед Кораблёвым. На одной, уже изрядно потёртой и блёклой, с надломленным углом, стояли бравый высокий усатый десантник и молодая красивая девушка, прислонившаяся к парню.

Эта была любительская фотография. Молодые люди стояли у раскидистого цветущего куста. В юной девушке Василий сразу узнал мать. То, что солдат — его отец, тоже сомнений не было. Василий на фотографиях в молодости — копия десантника: и рост, и стать, и улыбка. Но такой фотографии Кораблёв не видел — её просто не было у них.

На втором цветном снимке, качественном, недавнем, на скамье у раскидистой черёмухи сидел худой поседевший мужчина в армейском кителе старого образца. На правой щеке был заметен шрам, вместо левой ноги на скамье лежала культя в подшитой штанине. Не было у мужчины и части левой руки, из закатанного рукава торчала культя. Рядом у забора стояли костыли. Мужчина грустно улыбался. На выцветшем кителе красовались ордена и медали. Ещё не зная, что будет говорить дальше Татьяна Михайловна, Кораблёв уже проникся к этому человеку уважением, он понял: какая-то в их жизни случилась трагедия и несправедливость. Кораблёв вопросительно посмотрел на собеседницу, как бы торопя ответить на это.

— Не удивляйся, Василий. Да, это твой отец-десантник, он прошёл Афган. Много пережил и потом, потому что таким он вернулся с той войны. И получилось так, что о твоём существовании он узнал незадолго до смерти. К нему в гости приехал армейский товарищ, с которым он проходил учебку в том приволжском городе, где познакомились твои родители. Там до сих пор живёт сестра друга, с которой училась твоя мама, она-то и поведала брату о подруге и о тебе. Но мама твоя как-то тогда сразу резко оборвала всю связь, и сестра ничего не знала о вашей дальнейшей судьбе. Теперь ты видишь, в каком состоянии был дядя тогда. Отчаяние и заставило его написать письмо твоей матери, которое повлияло на ваши судьбы. Он не знал, будет ли он жив. И кому он нужен такой, кроме матери и близких. Рассудил так: зачем портить будущее девчонке, у которой всё впереди? Сколько тогда возвращалось с Афгана таких

парней — израненных и никому не нужных, кроме родных воинов-мальчишек. Отказывались от них порой и невесты, а что страшнее — и родина. Ведь были заявления: «Мы вас туда не посылали». И знаешь, Василий, как мне сказал дядя, что самое страшное — не раны, не боль физическая, а то, что пустота селилась в душах их опалённых, подраненных.

И Татьяна Михайловна надолго замолчала и стала вытирать набежавшие слёзы. Молчал и Кораблёв. Потом Татьяна тихо, но твёрдо сказала:

— Если бы дядя знал тогда, что у него растёт сын, он не поступил бы так. Поверь, Василий, не поступил. Я его характер знаю.

— А ты знаешь, и я уверен, что был бы отец с нами — и всё было бы по-другому.

И Кораблёв надолго замолчал, сидел, сдавив посеребрившиеся уже виски руками. Потом он взял руку Татьяны и тихо сказал:

— Скажи мне, сестра, что это за жизнь такая неправильная? Что за несправедливость? Отец — герой, инвалид, которому так была нужна наша любовь и поддержка, и сын — практически безотцовщина, которому всю жизнь не хватало отца, его поддержки и крепкого плеча на пути жизненном. Зачем так несправедливо поступает Господь? Я понимаю, Он проверяет нас испытаниями — но, по-моему, порой это уже перебор.

Кораблёв, не отпуская руки Татьяны, смотрел отрешённо куда-то за стекло, где город жил своей обычной торопливой жизнью.

— Да, кстати, как ты меня нашла?

— Ты же знаешь, Василий, сейчас это не проблема. А помогли друзья. Я до сих пор в летнее время работаю в нашем санатории. Подменяю девчонок на период отпусков в аптеке. Так вот, туда уже несколько лет приезжает отдыхать с женой однокурсник мужа. Он серьёзный дядька в органах. Вот мы супругом и обратились к нему с просьбой найти тебя по своим каналам. И ты знаешь — оперативно сработали. Правда, искали тебя по предполагаемому месту жительства, а ты оказался совсем рядом, — улыбаясь, радостно ответила Татьяна. — И это ещё не всё Василий, — тихо сказала она.

— Говори, Танюша, говори, родная. Сегодня я, пожалуй, уже ничему не удивлюсь.

— Как сказать, как сказать,— многозначительно ответила Татьяна.

Она поднялась, немного постояла, справляясь с волнением, подошла со спины к сидящему Василию, погладила рано седеющую голову брата, продолжила:

— У тебя, Кораблёв, помимо большой родни, есть ещё родная сестра Катя. Ей двадцать шесть лет. У неё двое замечательных сорванцов, твоих племянников. Ну как, удивила?

Василий Петрович сидел так, как будто его вдавили в стул, потом резко поднялся и порывисто обнял женщину, прижал её к груди. Татьяна почувствовала, как у него стали вздрагивать крепкие мужские плечи. Кораблёв беззвучно плакал. Прошли какие-то мгновения, он чуть отстранился от Татьяны и, не стесняясь своих слёз, смотрел на женщину доверчивыми, как у ребёнка, глазами. И по его искренности и открытости, по взгляду этому Татьяна поняла, какая чистая у этого человека душа.

— Ну, Татьяна Михайловна, а вот это уже под дых. Этого я не ожидал. У меня есть сестра, кровиночка родная, не один, выходит, я в мире этом. Да ещё и Катя. А ты знаешь, что маму мою Екатериной звали?

— Знаю, брат. В честь её дядя и назвал любимицу свою, дочку. Он долго не женился. Но однажды познакомился с женщиной — психологом в лечебно-реабилитационном центре на Волге, тоже с непростой судьбой. Потянулись их души навстречу, отогрели они друг друга, дочка родилась. Жаль, недолго длилось их счастье — погибла она в аварии в турпоездке. Дочку дядя поднимал и на ноги поставил один.

Татьяна замолчала, немного прошлась и села снова на своё место.

— И это ещё не всё. Из той информации, что дали нам друзья о тебе, я поняла: в этом городе ты недавно. Я же живу здесь уже давненько. Мы приехали с мужем по комсомольской путёвке после окончания института на завод нефтяного оборудования, да так и остались здесь. Дети здесь родились и выросли, теперь уже внуки. Обзавелись друзьями, много хороших знакомых. Вот они-то и помогли два года назад устроить нашу Катюшу рядом с нами. Она с семьёй живёт здесь недалеко, в пригороде, и работает ведущим экономистом на птицефабрике. На работе её ценят,

квартирой обеспечили. Вот её телефон. Но учти, она пока ничего не знает ни о тебе, ни о встрече нашей. Хотя о том, что мы тебя ищем, — в курсе. Я хочу, чтобы ты сам ей позвонил, как старший брат. Я думаю, ты найдёшь нужные слова, чтобы не напугать сестру. Кстати, она сейчас дома — готовит важные документы на Москву, руководство разрешило ей работать в спокойной обстановке.

— Да, да, конечно. Спасибо тебе за всё. Но ты всё же подведи её как-то к непростому звонку. Сама видишь — не просто даются такие новости.

— Да, брат, вижу. Ты прав. Непросто сердцем они воспринимаются, но это хорошие новости. И после этого хочется жить.

И Татьяна положила на стол бумажку с телефоном племянницы.

Не мог позвонить в выходные дни Кораблёв сестре, не хватило решительности, не знал, с чего начать разговор, так чтобы действительно он принёс неожиданную радость, а не захлестнул пугающей волной. Жена настаивала позвонить незамедлительно, более того — немедленно выехать на встречу с сестрой. Но Кораблёв, глотая таблетки, настоял перенести это дело на понедельник.

И вот он ходит по кабинету и бросает взгляд то на часы, то на телефон. Начало девятого — пора. Он решительно сел на место, взял со стола бумажку и набрал номер телефона. Трубку сняли сразу, и Кораблёву показалось, что этого звонка ждали, ждали давно.

— Я вас слушаю,— ответил взволнованный приятный женский голос.

У Василия Петровича на мгновение перехватило горло, он не мог ничего сказать.

— Говорите, я вас слушаю.

— Здравствуй, сестра,— наконец каким-то чужим голосом произнёс Кораблёв.

И через мгновение услышал, как там, далеко, заплакала женщина. Но он понял: это были слёзы радости и счастья, они тёплой волной через время и расстояние коснулись сердца Василия.